

**Отзыв официального оппонента  
на диссертацию Поповича Алексея Игоревича  
«Мученичество в памятниках публицистики России  
на пороге Нового времени», представленную на соискание ученой  
степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1.  
Русская литература и литературы народов Российской Федерации**

Понятие мученичества относится к числу базовых в системе ценностей христианской религии, соответственно, и в культуре тех народов, которые исповедуют христианство. Поскольку же русская культура в XI–XVII вв., а в значительной степени и позже – вплоть до сегодняшнего дня, неотделима от заложенной в ней конфессиональной основы, глубокое понимание этой культуры невозможно без всестороннего осмысления и оценки представлений о мученичестве. Положение вещей осложняется в связи с тем, что сами представления не оставались в ходе истории без изменений, вступая в сложные отношения с новыми конфессиональными запросами, политическими тенденциями и идеологическими течениями. Между тем, в историографии – как в той ее части, что касается строго богословского аспекта темы, так и в историко-филологических исследованиях, до сих пор отсутствовали обобщающие труды, в которых бы проблема, применительно к русскому материалу, получила сколько-нибудь полное освещение. Таким образом, тему диссертационного исследования А. И. Поповича можно назвать важной и самой что ни на есть актуальной.

Проблема мученичества носит комплексный характер и может обсуждаться с разных точек зрения. Идея мученичества как особого религиозного подвига сохраняла свое значение, помимо христианства, в других религиях, в том числе, монотеистических. Более того, типологическая экзегеза позволяла проецировать христианских мучеников на иудейских, чаще всего, на Маккавеев. В рамках самого христианства, сложившееся в первые века его распространения понимание



«мученичества-свидетельства» как смерти за веру неизбежно стало подвергаться эрозии, потому что ревностные христиане могли погибнуть не из-за своего вероисповедания, а по другим причинам, и не для всех, кто ревностно отстаивал истины христианской веры, их усердие заканчивалось гибелью. Не без влияния стоической философии, христианские мыслители (Евагрий Понтийский) приходят к выводу, что главное в подвиге – полнота самоотречения. На этой почве рождается мысль о бескровном мученичестве аскетов, заключающемся в борьбе со злыми помыслами и достижении состояния нестрастия (ἀπάθεια). На Руси, получившей христианство в сложившихся формах, представления о мучениках дополнились нюансами, обусловленными локальной спецификой. С самим понятием мученичества новообращенные должны были познакомиться вскоре после Крещения, ибо уже в первой их церкви престол нужно было освящать, а для этого требовались мощи мученика (историки ведут неразрешимый спор о том, освящалась ли Десятинная церковь на мощах варягов-мучеников, Климента Римского или кого-то еще). Кроме того, все мученики издавна наделялись защитными функциями, которые неофиты, вроде только-только приобщенных к христианству князем Владимиром, должны были особенно ценить в святых. Примечательно, что мучениками были первые русские святые – братья Борис и Глеб, хотя они оказались мучениками не совсем «правильными». Ведь они пали жертвами борьбы за Киевский княжеский стол, между тем как их вере никто не угрожал. Для убитых не за веру, а по другим мотивам, используют специальное обозначение – «страстотерпцы». Но если в славяно-русских переводах регистрируются относительно устойчивые эквиваленты, так что μάρτυς обычно передается словом «мученик», а ἀθλητής – словом «страстотерпец», то в текстах местного происхождения налицо терминологическая путаница. Уже в старших произведениях о Борисе и Глебе они называются как «страстотерпцами», так и «мучениками».



Вплоть до конца XV в. все появлявшиеся в Древней Руси мученики были такими же – не совсем «правильными» (Игорь Ольгович, Василек Ростовский, Михаил Тверской, и др.). Их «неправильность» усугублялась тем, что все они принадлежали к княжеской династии, значит, их религиозное почитание могло быть обусловлено не только их мученическим жребием, но и реликтовым культом князей. Идея мученичества расширила сферу своего употребления с той поры, как историческая роль княжеской Руси стала переосмысляться, так что в конечном итоге она превратилась в Московское царство – сакральную державу и последний оплот православия. Знаменательно, что в Послании на Угрю Вассиана Рыло с его последовательно проведенной мыслью об обороне православного «отечества» как священной обязанности московского князя, адресат этого Послания – великий князь Иван III одновременно величается царем. Объектом своего исследования А. И. Попович выбрал тот именно период русской истории (начиная примерно с середины XVI в. и вплоть до окончания Петровской эпохи), когда понятие мученичества, не ограничиваясь вопросом о ликах святости, начинает все чаще использоваться в идеологических и откровенно политических спорах, которые воплощаются в публицистических произведениях разной жанровой природы. Утверждение идеи о мессианском назначении Московского царства означало, что и жертва, принесенная за такое царство, может быть приравнена к мученическому подвигу. По той же причине приобретают актуальность размышления о пределах власти богоизбранного самодержца, который вправе распоряжаться жизнью подданных, но который, оставаясь смертным, должен быть готов и сам положить свою душу за «священное царство». Подданный, преданный самодержцем мукам, может назвать его мучителем, хотя сомнения в его утвержденных Богом правах небезопасны – они подрывают саму идею сакрального царства. Создается поле для противостояния, в котором на венец мученика потенциально претендует каждая из сторон. История



России развивалась таким образом, что на данную ситуацию с течением времени наложился конфликт, в которых давали заявки на роль мученика новые претенденты: то это противостоящие друг другу священство и царство, то две половины Русской церкви, расколовшейся в середине XVII в., то «просвещенная» власть и не желающие расстаться с «суевериями» подданные. Такие конфликты и интересуют диссертанта, ибо в диалоге между противоположными сторонами вновь и вновь оживала тема мученичества.

Хронология лишь задает автору временные рамки, все внимание А. И. Поповича сосредоточено на тематических узлах, завязывавшихся вокруг проблемы, вынесенной в заглавие работы, – на разных аспектах мученического служения, которые обсуждались в каждой из конфликтных ситуаций. Организация повествования по двойному принципу – не только по хронологии, но, прежде всего, вокруг центральных для каждой эпохи проблем, усложняет композицию работы, но, вместе с тем, имеет для исследователя определенные преимущества. У автора появляется возможность не только привлекать более ранние или более поздние относительно установленных рамок тексты, но и шире использовать современные научные методы, применяемые для характеристики феноменов, сходных с тем, что выбран для обсуждаемого исследования. Учитывая новейшие разыскания филологов о средневековой письменности и о литературных движениях Петровской эпохи, диссертант, вместе с тем, свободно ориентируется в достижениях смежных наук, в особенности исторической и культурной антропологии. Междисциплинарный подход позволяет нарисовать вокруг темы мученичества стереоскопическую картину, используя литературу публицистической направленности XVI – первой четверти XVIII в. Кроме того, при тематической рубрикации диссертации, в нее легче инкорпорировать довольно пространственные экскурсы, касающиеся отдельных памятников, которые имеют первостепенное значение для решения вопросов, обсуждаемых автором



(ср. на с. 115–124 о составе сборника Афанасия Холмогорского с выписками из «Хрисмологиона»; на с. 132–143 о письменном наследии Тихона, митрополита Казанского и Свияжского, в связи с дискуссией о тенденции, заложенной в Компилятивную редакцию «Истории» Курбского; на с. 231–234 о подложной священнической присяге, будто бы изданной в 1679 г., с анафематствованиями старообрядческих лидеров; на с. 257–267 о сочинении Феофана Прокоповича «Христовы о блаженствах проповеди толкование» в ряду предпринятых властями попыток обезопасить себя от опасных форм культа).

Оценивая структуру диссертации в целом, констатируем, что автором успешно решена нелегкая задача – упорядочить релевантные для темы эпизоды, содержащиеся в публицистических текстах, и одновременно представить большой фактический материал. Композиция исследования А. И. Поповича хорошо продумана, так что выдвигаемые автором положения естественно вытекают одно из другого. Работу открывает введение, в котором соискатель, в соответствии с предписанным для квалификационной работы формуляром, раскрывает ее предмет и решаемые в ней задачи, характеризует использованные методы, обосновывает актуальность работы, ее научную и практическую значимость. Само исследование состоит из трех глав, завершающихся заключением, списком использованных источников (в том числе, обширным перечнем привлеченных для работы рукописей) и научной литературы, насчитывающим, в общей сложности, 623 названия. В первой главе автор рассматривает, как в XVI в. упрочивается мысль о посмертном воздаянии, которое гарантируется представителям служилого сословия, принявшим мученическую смерть за царя и православное государство. Важным в этом отношении событием признается установление митрополитом Макарием в 1548 г. «общей памяти» всем православным Московского царства, независимо от их чинов. В тексте памяти, при перечислении убитых иноплемениками тем или иным способом, особо



выделены павшие на поле брани. Имеющиеся в нашем распоряжении источники подтверждают, что в те годы оживленно обсуждалась посмертная судьба погибших в войнах. Необходимо было отделить их от «заложенных» покойников, которых по традиции хоронили в скудельницах – практика, которая и сама по себе многими не одобрялась. Скверный обычай возмущает Максима Грека, который посвятил этому вопросу отдельное сочинение. В середине столетия положение вещей меняется: имена воинов вносятся отдельно в помянники, при осаде Казани в 1552 г. митрополит Макарий обращается к царю и обещает, что всякий, кто погибнет в сражении, «второе мученическое крещение восприиметь», а тот же Максим Грек в послании некоему «рачителю книжному» доказывает, на библейских примерах, почему убитые в бою с нечестными заслужили Царство Небесное. Подробно разбирается в диссертации знаменитая переписка Курбского и Грозного, в которой тема мученичества занимает центральное место. Приравнивая царя к древним мучителям, беглый князь тем самым оправдывает свой отъезд в Литву, не считая его изменой. В своей «Истории», сюжет и композицию которой сочинитель намеренно противопоставил существовавшему в московской письменности жанрам исторического повествования, Курбский перечисляет всех невинно пострадавших жертв жестокого самодержца. Писатель выстраивает целую галерею из рассказов о «невинноизбиенных» мучениках. В диссертации доказывается, что Курбский ориентировался на католические и протестантские образцы мартиролога. Обращаясь к событиям следующего столетия, автор диссертации разбирает манипуляции, которые производились с понятием мученичества во время восстания 1682 г. Стрельцы требовали официально признать их невиновность в смертоубийствах, совершенных в дни беспорядков. Этот факт предлагалось зафиксировать в надписи на специально воздвигнутом «столпе». Одновременно смутьяны заявляли о своей готовности пролить кровь за государей, за веру и православное царство.



Во второй главе автор разбирается в той сложной диалектике, стоящей за употреблением неразделимых понятий — «мучительства» и «мученичества», которую можно выявить в литературе патриаршего круга второй половины XVII в. Эта эпоха, богатая публицистическими произведениями, отмечена сложным переплетением противоречий. Мы наблюдаем, с одной стороны, то ослабевающий, то усиливающийся антагонизм священства и царства, олицетворяемых патриархом и царем, с другой стороны, столкновение с официальными институтами и между собой непримиримых политических, идеологических и конфессиональных партий и целых слоев московского социума. Позиция над схваткой, которую занял автор диссертации, позволила ему прийти к самому важному выводу в рассматриваемом исследовании. В формулировках и даже в словоупотреблении, какие используют при взаимных упреках и обвинениях авторы противостоящих друг другу станом, наблюдаются поразительные совпадения. Это говорит о диффузии идей, которая происходит независимо от позиции, занимаемой в споре конкретным писателем. Иллюстрацией такого умозаключения может служить постановление 1689 г. о Сильвестре Медведеве, в основе которого лежит текст постановления 1667 г. об извержении из сана Никиты Пустосвята (с. 157–158). Патриарх Никон провозглашает себя мучеником за веру и обличает Алексея Михайловича как царя-мучителя. Но одновременно на венец мучеников претендовали противники поддержанных царем церковных нововведений этого самого Никона. Добровольно идя на «огненную смерть», они демонстрировали готовность до конца пострадать за ту православную веру, которую считали истинной. Со своей стороны, выступавшие от имени официальной церкви, будь то Симеон Полоцкий, патриарх Иоаким или кто-то еще, изображают в ярких красках мучения церкви, терзаемой старообрядцами, еретиками и иноверцами. Все они и есть будто бы подлинные мучители тела церкви. Священство взывает к царю с просьбой защитить его, а с ним вместе и саму православную веру.



Иоаким обвинял Сильвестра Медведева, вкупе с Федором Шакловитым, в намерении умертвить главу Русской церкви и «иныя правомудрствующия по святей восточней Церкви». В особом разделе автор рассматривает, как преломляется тема мученичества в напутствиях (проповедях) высших церковных иерархов перед войском, выступлением в поход на врагов православия. Устная проповедь была новым жанром для русской литературы, писатели опирались на образцы, доходившие до Москвы при украинско-белорусском посредничестве. Исследователь пытается восстановить присутствующую в таких проповедях иерархию нематериальных ценностей, за которые предлагалось отдать жизнь воину в обмен на признание его мучеником (Бог, православие, церковь, царь, отечество, все христиане). По мнению автора, по тексту проповедей можно проследить, как сакральные материи вытесняются идеей, на первых порах не вербализованной, о гибели на поле брани за «общее благо».

В третьей главе интересны те разделы, где автор выясняет, какие аспекты темы приобрели актуальность в годы петровских преобразований, направленных на создание регулярного государства. Автор прав в том, что ни разу за все время существования Руси не возникало такого количества мученических житий, как в результате противостояния старообрядцев политике государственной церкви. Эсхатологические ожидания, сопровождавшие ломку традиционного уклада, способствовали тому, что неприятие никоновских «новин» сплошь и рядом перерастало в антимонархические и антигосударственные заявления, когда Антихристом объявлялся сам Петр I, а правление его приравнивалось к гонениям на первых христиан. Подобные заявления влекли за собой политические процессы. Вместе с тем, власти предрержащие осознали, что одним террором им не победить раскол. Они прибегали и к методу убеждения. Они стремятся утвердить в обществе мысль, что любые формы самопожертвования, не санкционированные церковью, не могут быть приравнены к мученическому подвигу. Полемистам официального лагеря



на руку было то, что среди самих старообрядцев явились противники самосожжений. Практиковались властями и стандартные для петровской эпохи приемы, придуманные для противодействия народным культам, которые включались в разряд суеверий, а чудеса, случавшиеся от новонайденных святынь, объявлялись ложными. Идеологи религиозных движений, противных церкви, именуются лицемерами, действующими из корыстолюбивых побуждений. Автор диссертации демонстрирует, что в самом стане обличителей не было единства, так что иные чудеса признавались Иваном Посошковым и Дмитрием Ростовским. Понятно, что нет объективных критериев для отделения истинных чудес от ложных. В спорах о возможности для современников прославиться в лике мучеников публицисты (Дмитрий Ростовский) реанимируют концепцию первых аскетов о бескровном мученичестве, заключающемся в противодействии греховным помыслам. Не случайно в литературной продукции появляются тогда переводы античных стоиков (Эпиктета, Сенеки, Кебеса). Мученичество подобного рода включается в оппозицию бескровной новозаветной жертвы и жертвоприношения язычников, к которому приравнивают старообрядческие самосожжения. В заключении к своему ученому труду соискатель подчеркивает многозначность мученичества как религиозного понятия и литературной темы. Это обстоятельство и дало возможность русским публицистам развивать тему в нужном им направлении. В заключении намечаются пути для дальнейшей разработки вопроса о мученичестве на материале русской литературы.

Универсальность той проблемы, которая стала объектом диссертационного исследования А. И. Поповича, открывает перед рецензентом широкие перспективы для дополнений и уточнений. Они могут затрагивать и концептуальные положения работы, и конкретные детали. Ограничимся несколькими соображениями. Определяя рассказы о татарском нашествии как источник идей о мученическом подвиге, будем иметь в виду, что поначалу мысль о подвиге вовсе не звучала в этих



рассказах или занимала там маргинальную позицию. Доминировал пафос покаяния (ср. слова Серапиона Владимирского и др.). Нашествие кочевых народов, будь то половцы или татары, описывалось как ниспосланное Богом наказание Русской земле за грехи ее народа. Поделимся еще и таким наблюдением. Стоит, думается, обратить внимание на настойчиво звучащий в спорах о мученичестве мотив идолослужения. Не подлежит сомнению, что эталоном мучеников для всех, кто обращался к теме, оставались древние христиане – те, кто претерпели гонения от императоров-язычников. Мотив языческого жертвоприношения возникает уже в первом послании Курбского Грозному («Кроновы жрецы»). Царь чутко уловил намек. Он понимал: чтобы приравнять убитых им к древним мученикам, нужно еще доказать, что пострадали они от руки царя, поклоняющегося «еллинским» богам. В этом смысл заявления Грозного о том, что в нынешнее время нет мучеников, поэтому опять же он подробно развивает тему «еллинского» нечестия. Курбский, со своей стороны, настаивает на том, что царь отрекся от православия и стал язычником (см. особенно в «Истории»).

Наконец, считаем нужным подчеркнуть значение того аспекта в древнерусских представлениях о мученичестве, который в анализируемой работе отчасти отодвинут на периферию изложения. Интерес соискателя сосредоточен на том, когда и каким образом произошло замещение одной мотивировки для воина, идущего на смерть, другой мотивировкой. На начальном этапе ему сулили посмертное воздаяние как мученику за веру, но впоследствии на первую позицию выдвигается долг перед царем и отчиной, а потом и служебные обязанности перед государством. Не будем недооценивать то обстоятельство, что Московская Русь видела себя «священным царством», а идеология ее разрабатывалась в XVI в. по византийским лекалам. Византия же являлась наследницей Римской империи, от которой она восприняла представление о сакральности имперской территории, в идеале совпадавшей с ойкуменой, а поскольку



идеал никогда не был достигнут, резко противопоставленной окружающему пространству. На нем обитали варвары. Картина мира, какой видели ее ромеи, многое объясняет в истории империи, а потом и в московской идеологии, отчасти усвоившей византийский образ. Вариация мотивов для идущего в бой оказывается не столь уже значима: сформировалось убеждение, что всякая война, которую ведет самодержец, является сакральной. Это убеждение *mutatis mutandis* дожило до новейшего времени (ср. песню о священной войне).

Приведенные соображения носят характер дополнений и разъяснений и не являются критикой концепции А. И. Поповича. Фактические ошибки в тексте диссертации не обнаружены (следует лишь исправить: в цитате на с. 23 говорится об осаде Козельска, а не о битве на Калке; Довмонта Псковского следует называть князем, а не посадником, как на с. 73), она написана хорошим литературным языком и с минимальными исправлениями может быть опубликована в виде монографии. Рецензируемый труд представляет собой законченное и самостоятельное исследование. Автор его не стесняется полемизировать с авторитетными специалистами (Б. А. Успенский, В. М. Живов, К. Ю. Ерусалимский), отстаивая свою позицию, в некоторых случаях единственно правильную (на с. 179 о тенденции А. П. Богданова искать в текстах отражение идеологии). Диссертационное исследование А. И. Поповича достойно самой высокой оценки, является новым словом в филологической науке и смежных гуманитарных дисциплинах, а выводы автора могут быть использованы как в будущих академических разработках темы, так и в учебном процессе. Содержание диссертации с должной полнотой освещено в семнадцати публикациях автора, перечисленных в автореферате, в том числе в девяти статьях, опубликованных в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ. Автореферат диссертации в лаконичной, но ясной форме отражает основные положения, вынесенные на защиту.



Диссертация Поповича Алексея Игоревича на тему «Мученичество в памятниках публицистики России на пороге Нового времени» соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук согласно пп. 9-11 «Положения о присуждении ученых степеней» УрФУ, а ее автор достоин присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Буланин Дмитрий Михайлович,  
доктор филологических наук,  
главный научный сотрудник  
Отдела древнерусской литературы  
Федерального государственного  
бюджетного учреждения науки  
Институт русской литературы  
(Пушкинский Дом) Российской академии наук

*Д. Буланин*

199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4

Тел.: (812) 328-19-01

e-mail: irliran@mail.ru

26.05.2025 г.

